

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК МЕТАФОРА

О.А. ЛАВРЕНОВА

Метафора – феномен культуры, являющийся своеобразной «лакумусовой бумагой» для базовых образов и собственно ментальности культуры. Она же – один из инструментов познания, структурирования и объяснения действительности, наименования объектов, создания художественных образов и порождения новых значений.

Достаточно обширная область взаимоотношений культуры и пространства также имеет метафорическую природу. И само пространство, и ландшафт как его частное проявление могут выступать в роли метафоры. В процессе метафоризации создается множество смысловых коннотаций, за счет которых происходит передача непередаваемой информации, как ландшафтной, так и культурной. Поэтому пространственная и ландшафтная метафоры имеют безусловную информационную ценность для исследователя.

С точки зрения когнитивной теории метафоры **постижение ландшафта как сложного понятия происходит через метафоры**, открывающие к нему «эпистемологический доступ». И наоборот, **ландшафт может выступать как концепт, структурирующий целый ряд абстрактных фреймов (гештальтов) в ментальности культуры**.

С точки зрения семантики культурного ландшафта важна одна из теорий, описывающая процесс метафоризации как биполярное взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). Важно то, что в процессе метафоризации происходит частичное структурирование цели по образцу источника – «*метафорическая проекция*» (metaphorical mapping) или «*когнитивное отображение*» (cognitive mapping)¹. В результате такой проекции цель становится более понятной, или понятийно организованной, так, чтобы быть доступной заданному кодами и рамками определенной культуры сознанию. В этом и состоит сущность когнитивного потенциала метафоры. Иногда возможно обратное направление метафоры. Например, метафора «жизнь – это река» вполне может корреспондироваться с метафорой «вода – это жизнь». Но в большинстве случаев инверсия источника и цели невозможна. И та и другая упомянутая метафора имеет вполне определенные ландшафтные коннотации, в пределах которых находится человек, употребляющий эти метафоры, или испытывающий душевный трепет, выходя на крутой берег над широкой рекой, трепет, затрагивающий глубинные основы его сущности, заложенные культурой.

Метафоры являются частью культурных кодов, определяющих в том числе и взаимоотношение человека и пространства. Если рассматривать ландшафт с точки зрения метафоры, то можно заметить,

что его морфологические элементы (горы, реки, города, храмы, свалки и т.п.) выступают в двоякой роли. С одной стороны — как когнитивные структуры источника, определяя структуру некоторых онтологических концептов (вспомним метафору «жизнь — это река»). С другой стороны, если речь идет о конкретных географических объектах, то они в метафорической проекции выступают в роли цели, как, например, «Волга-матушка».

Иконичность метафоры и культурный ландшафт

Одно из свойств метафоры, характеризующее ее образную яркость, обозначается как иконичность. Поль Рикёр по этому поводу пишет, что «яркость метафор заключается в их способности “показывать” смысл, который они выражают. Здесь предлагается своего рода изобразительное измерение, которое может быть названо *изобразительной функцией* метафорического значения... Подобно тому, как схема служит матрицей категорий, иконический образ — это матрица для нового семантического согласования, возникающего на обломках старых семантических категорий, разрушенных взрывной волной противоречия»². И представляется, что в культурном ландшафте происходит искомое «слияние смысла и образа, характерное для “иконизированного смысла (*sens iconisé*)”»³, о котором писал Рикёр.

С этой точки зрения можно рассматривать метафоры, включающие в себя топонимы и связанные с ними образы географических объектов. Наиболее яркие изобразительные метафоры переводят топонимы в разряд иконических знаков. Например, устойчивая культурно-географическая метафора «Москва златоглавая», возводит в смысловой квадрат сразу два образа. Первый — визуальный облик города, архитектурную его особенность — обилие златоглавых церквей. Второй — латентный мифологический образ колосса с золотой головой, символизирующий государственную власть. Второй метафорический образ находится под спудом, под образным давлением первого, но отрицать его существование нельзя.

С другой стороны, на наш взгляд, вполне оправдано видеть ландшафтные образы как смысл структурных метафор. В отличие от ассоциации иконичность «предполагает контроль над образом со стороны смысла; другими словами, иконичность — это образ, встроенный в сам язык»⁴. И здесь нельзя пройти мимо очевидного факта, что ориентационные метафоры также обладают подобной образностью. Таковы, например, метафоры, структурирующие понятия «верх — низ», и вошедшие в саму ткань языка конкретные ландшафтные коннотации — «воспарить к облакам», «быть на вершине счастья», «лечь на дно».

С иконичностью метафоры связано понятие «видеть как», входящее к Витгенштейну, которое в полной мере ввел в научный оборот М. Хестер⁵. «Видеть как» выполняет роль моста между

вербальным и квазивизуальным и построено на сенсорике, на чувственном восприятии, на ощущении, связывающем воедино смысл и образ. Образ становится смыслом, на котором и держится метафора⁶.

По Рикёру, «объяснить метафору — это значит перечислить значения, в рамках которых образ *видится как смысл*»⁷. Образ видится как смысл достаточно ярко именно в метафорах, в которых ландшафт выступает в качестве источника, и любой концепт получает ландшафтную образность. Соответственно, культурный ландшафт насыщен метафорическими образами, латентными, сокрытыми в ориентационных метафорах, или явными, составляющими информационный слой того или иного места в культурном ландшафте. Территориальные объекты в их обобщенном, абстрактном смысле могут выступать как метафоры. Таковы море, река, гора, пустыня, болото. Зачастую через внешнее, географическое пространство определяется внутреннее пространство человеческой души. Поэт Дж. Хопкинс говорит о холмах сознания: «О! The mind, mind has mountains». Или, например, распространенная метафора «душа — как выжженная пустыня».

Но и каждый конкретный ландшафт предстает как метафора в зависимости от специфики: городской ландшафт — как метафора небесного града, горный ландшафт — как метафора онтологической вертикали, равнинный степной ландшафт — как метафора беспредельности и бескрайности, речной ландшафт — метафора жизни и пути, и т.д. во всевозможных вариациях. Все эти метафоры — иконические, причем яркость образа, конструируемая в языке, в данном случае подменяется визуализацией образа, наблюдаемого с той или иной точки зрения, а иногда и не наблюдаемого как пейзаж, органически вошедший в самоидентификацию региональной или локальной культуры, когда ее носители воспринимают себя и свое место нераздельно с базовым пейзажем. В таких случаях **определенный тип ландшафта выступает в роли источника метафорической проекции**, структурирующей более абстрактные понятия.

Ландшафт как цель метафорической проекции

В геокультурном пространстве может происходить согласование семантических полей различных географических объектов в буквальном смысле слова далеких друг от друга, могут возникать емкие и устойчивые метафоры, как, например, «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать». При этом необходимо понимать, что «Рим», как наиболее популярную в западной культуре метафору власти и эталона макросоциального центра, в разные исторические периоды примеряли на себя разные геополитические центры и державы, претендующие на роль империй. В этих метафорах использовались концепты ближайших степеней родства наряду со смысловыми реперами инаковости (другой, второй, третий) — по

словам Мишеля Фуко, «все европейские нации, государства, все монархии претендовали быть сестрами Рима... Франция должна стать другим Римом, независимым от Рима, но все же Римом»⁸.

В вышеприведенном случае речь идет о **ландшафте/месте — цели метафорической проекции**.

Конкретные географические объекты, наиболее значимые в национальной культуре, превращаются в устойчивые метафоры. Они используются как в обыденной жизни, в художественной литературе, так и в научных культурно-географических работах. Например, в работе Ю.А. Веденина, посвященной культурному ландшафту России⁹, используются авторские поэтические метафоры, являющиеся результатом творческой переработки историко-культурного и географического материала: «Русский Север — живая память России», «Новгородско-Псковская земля — исторический форпост России на Западе», «Санкт-Петербург — сколок Европы, волей Петра Великого брошенный на пограничные со старой Россией земли», «Центральные Русские земли — сердце России», «русское Черноземье — поэтическая душа России», «русские степные Поволжско-Приуральские земли — восточное лицо России» (интересен подтекст последней метафоры, предполагающей двойной смысл — то ли Россия повернута лицом на Восток, то ли существует еще и западное лицо, о котором автор умалчивает, хотя «двуликость» России заложена в ее гербе — двуглавым орле).

«Волга-матушка», «Урал-батюшка», «Киев — мать городов русских» — укорененные в русской культуре метафоры родственных отношений применительно к макроландшафту собственной страны. Если Киев действительно был столицей Древней Руси, то Волга и Урал — отнюдь не являются прародиной Руси, ее «генетическими родителями». Как писал Г. Федотов, «мы... с легкостью отрекались от Киевской славы и бесславия, ведя свой род с Оки и с Волги... Овладевая степью, Русь начинает ее любить, она находит здесь новую родину. Волга, татарская река, становится ее “матушкой, кормилицей”»¹⁰. Таким образом, в этих случаях «родственные отношения» в пространстве строятся не по принципу исторических истоков, а по экономическому принципу: кормилицы — значит, родители.

«Хан-Алтай» — метафора иерархичности социума, переносимая на иерархию культурного ландшафта, поскольку Алтайские горы действительно являются доминантой в достаточно обширном физико-географическом регионе. На региональном уровне существуют легенды и предания о взаимоотношениях географических объектов и их легендарных прототипов по семейному типу. Легенды о богатыре Бие и красавице Катуня, о Байкале и его дочери Ангаре и другие перемещают географические объекты в метафорическое «пространство», где слияние рек, расположение гор по отношению к рекам и озерам, т.е. собственно особенности морфологической структуры ландшафта трактуются как социальные коммуникации.

Антропоморфное представление о пространстве, ландшафте — наиболее часто встречающийся фрейм для соответствующих метафор, который восходит к языческому и христианскому средневековому воззрению. Через него выражаются глубинные слои коллективного и индивидуального сознания, постигающего мир через свое тело.

Рождение антропоморфных метафор пространства укоренено в далекой архаике. Идентичность микрокосма и макрокосма — одна из основных смысловых осей образа мира Средневековья. Обобщая эти представления, А.Я. Гуревич пишет о системе взглядов этой эпохи: «Элементы человеческого организма идентичны элементам, образующим вселенную. Плоть человека — из земли, кровь — из воды, дыхание — из воздуха, а тепло — из огня. Каждая часть человеческого тела соответствует части вселенной: голова — небесам, грудь — воздуху, живот — морю, ноги — земле, кости соответствуют камням, жилы — ветвям, волосы — травам, а чувства — животным»¹¹. Существовали и более конкретизированные ландшафтные метафоры. Например, в древнескандинавской поэзии части тела уподоблялись объектам живой и неживой природы и наоборот: «Голову называли “небом”, пальцы — “ветвями”, воду — “кровью земли”, камни и скалы — “костями”, траву и лес — “волосами земли”. Прежде чем стать условными метафорами, эти уподобления отражали такое понимание мира, при котором отсутствовала четкая противоположность между человеческим телом и остальным миром и переходы от одного к другому представлялись текучими и неопределенными»¹².

В современных представлениях пока еще на уровне идей это трансформируется в единство «человек — биосфера», которое бытует преимущественно в различных экологических общественных движениях.

Метафора «ландшафт/макрорегион — это человеческое тело» встречается в современных культурах довольно часто. В культурном ландшафте России наиболее устойчива метафора двух столиц как двух жизненно важных частей тела: «Петербург — голова, Москва — сердце».

Неизменно желание увидеть в очертаниях локального ландшафта, преимущественно горного (так как он дает больше пространства для воображения), человеческое тело или только лицо. Например, профиль М. Волошина, видимый в очертаниях скалы в Коктебеле, человеческий лик в картине Н.К. Рериха «Дух Гималаев», множественные «горные гряды — лежащие женщины» в устной культуре населения Крымских, Кавказских, Уральских, Алтайских гор. В языке метафора «ландшафт — человеческое тело» зафиксирована в устойчивых выражениях «рукав реки», «озера — глаза земли» и наоборот, «глаза — бездонные/голубые озера», многократно тиражируемых в мировой литературе. Как пишет американский писатель, мыслитель, натуралист XIX в. Г.Д. Торо в своей известной работе

«Уолден, или Жизнь в лесу», «озеро — самая красивая и выразительная черта пейзажа. Это око земли, и, заглянув в него, мы измеряем глубину собственной души»¹³. Исследователь поэтики пространства Г. Башляр повторяет ту же мысль: «Водоем — это само око пейзажа... мир впервые видит себя, отражаясь в воде... удвоение красоты отраженного пейзажа есть корень космического нарциссизма»¹⁴.

То же самое можно сказать и о таких выражениях, как «подножие горы», «плечо горы». «В метафоре ГОРА — ЭТО ЧЕЛОВЕК заложена возможность, благодаря которой альпинисты будут говорить о *плечах* горы (*shoulder of mountain*) (а именно о гряде около вершины) и о *покорении, сражении* и даже о том, что можно *быть убитым* горой. В мультипликационных фильмах горы оживают, и их пики становятся головами»¹⁵. Хотя, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, такие метафоры маргинальны в культуре и языке, мы можем наблюдать, как в определенных субкультурах, например, в альпинистском и туристском фольклоре, они становятся основополагающими. В рамках этих субкультур они именно структурируют деятельность и мышление, определяют отношение с ландшафтом и порождают своеобразный неоязыческий культ, например, принятый обычай здороваться с горами перед восхождением, класть свой камень в каменные пирамиды, напоминающие *обо*, на перевалах, — отдавая дань уважения и благодарности горе за благополучно пройденный этап пути. В данном случае можно говорить о том, что эта метафора формирует специфический дискурс путешествия по горам, выступает в роли «дискурсивной практики»¹⁶.

Город как метафора

Рассмотрим отдельно город как метафору, в которой географическая составляющая образа намного уступает культурной, но, тем не менее, метафорика города сама по себе — неотъемлемая часть макрорландшафта страны и региона.

Если природные объекты и их топонимы в культуре выступают преимущественно как метафоры различных частей тела, то душа и сознание генетически связываются с рукотворными пространственными объектами, от храма и сада («душа — господний храм», «сады души») до города. Город представляется полимасштабной метафорой сознания, он может выражать структуру сознания от единичной человеческой личности до человечества в целом. Процесс урбанизации охватывает все пространства, от географического до внутреннего, от реального до иномирного. В этом отношении следует согласиться с Л.В. Стародубцевой, которая полагает, что «с ходом тысячелетий “урбанизируется” не только ландшафт земли, не только образ жизни человечества, но и мысль человека: город становится фундаментальным элементом языка образного мышления и метафорой сознания... вопрос о городе как метафоре сознания как бы сам собою предполагает “двойной перенос” значе-

ния между “городом” и “сознанием”. Чтобы таковой был возможен, город и сознание должны быть структурно, понятийно, образно подобны... Чем выше степень абстрагирования, тем менее красочен образ, но чем больше деталей и тонкостей в описании — тем менее сильна метафора. Ведь в одном случае невидимый град напоминает, скорее, утонченное философское понятие, абстрактную категорию небытия, в другом — представляет собой всего лишь примитивную фольклорно-народную интерпретацию комплекса древнейших представлений о несуществовании»¹⁷.

Диалектика противопоставления Земли и Неба выражается через укорененную в христианской традиции метафору двух Градов — земного и небесного. Согласно учению Св. Августина, «град божий — незримая духовная община христиан, видимым воплощением которого является церковь — вечен, Град же земной, государство, переходящ и подвержен гибели»¹⁸.

Составные элементы ландшафта города — мифический, исторический, идеологический, архитектурный¹⁹ являются одновременно и компонентами смысла места, и побочными продуктами его динамики, и факторами, необходимыми для его воспроизводства и для его полноценного восприятия. Все они участвуют в метафорическом процессе, в своем абстрактном или конкретном виде. В каждом городе формируется собственное внутреннее метафорическое пространство, которое во многом укоренено в метафизике. Параллельно с тем, что город является метафорой сознания, в каждой урбанистической культуре существует архетип города, обладающего сознанием.

В этом отношении интересна одна из авторских метафор А. де Сент-Экзюпери о городе, выпавшем из коммуникационного контекста, который, как человек, лишенный связей с реальностью, не стремится нарушить свое отчуждение: «...нас разглядывал город. А мы — мы видели лишь его небывалой высоты красные стены, они высокомерно повернулись к пустыне, словно бы изнанкой, нарочито лишенной всяческих украшений, выступов и зубцов, откровенно не предназначенной для взглядов со стороны. Ты разглядываешь город, а он разглядывает тебя. Он вздымает против тебя свои башни. Он присматривается к тебе из-за своих зубцов. Он распаивает или запирает свои ворота. Он может хотеть быть любимым и улыбается тебе, маня своими украшениями... этот [город] на памяти людей ни разу не снарядил и ни разу не принял каравана. Ни один путешественник не принес в него вместе со своим багажом отравы чуждальных обычаев. Ни один торговец не ввел в его обиход незнакомой вещи. Ни одна пленница, захваченная вдалеке, не прибавила капли крови к их породе. И моим воинам показалось, что они ощупывают панцирь неведомого чудовища, у которого все не так, как у других племен»²⁰. Аутичность сознания перенесена в данном случае на образ гипотетического города, выражающего инаковость того, кто

не включен в его систему связей. Сознание и локус-сообщество вне коммуникации становятся «невидимыми» и «неощущаемыми» для остального общества, перестают для него существовать.

Процесс восприятия и постижения смысла города основаны на его идентификации, т.е. на понимании не только внешних элементов городского ландшафта, но и элементов семантических.

Если речь идет не об абстрактном городе как о метафоре сознания, а о конкретном городе на карте мира, то примечательно, что его метафорическое значение меняется в зависимости от географического положения.

А. Крамер видит метафорику города в его функциональности. «Город стоит на берегу моря (реки, озера) или на дороге. Функционально – как объект военный или объект гражданский (условно – крепость или постоялый двор)... Существуют города, которые можно описать “чистой метафорой”. И возможны перекрестки: три основных типа сочетания базовых метафор»²¹. «Город на горе» (Рим, Москва и т.п.), являющийся эманацией небесного града, «крепость у моря» (крепость Орешек, Севастополь и т.п.) и «караван-сарай на перекрестке путей» (Самарканд) – значимы в культуре.

На карте мира существуют и «города вообще» – как с положительным, так и отрицательным контекстом. Типовые застройки второй половины XX века – во многом реализация метафоры нивелированного и обезличенного техногенной цивилизацией сознания. Сто пятьдесят лет назад «городом вообще» представлялся и Санкт-Петербург; по мнению А.И. Герцена он – «воплощение общего, отвлеченного понятия столичного города; Петербург тем и отличается от всех городов европейских, что он на все похож»²².

Итак, метафора позволяет проникнуть в глубинные структуры реальности культурного ландшафта, создает множество смысловых коннотаций, в результате которых происходит передача непередаваемой информации, как географической, так и культурной. Безусловна информационная насыщенность связанных с культурным ландшафтом метафор, которая создается полифонией смыслов, возникающей в результате сближения семантических полей геообъектов в геокультурном пространстве и их топонимов.

В каждом культурном ландшафте зашифровано определенное множество смыслов, часть из них – определена метафорами, закрепленными в культуре и/или в литературе (как в случае авторских поэтических метафор, не склонных к репродуцированию и развитию). «Гроздь» сигнификативных и денотативных дескрипторов каждой метафоры одновременно образуют семантические «поля» не только в лингвистическом и культурологическом, но и в их географическом понимании – через метафорическое использование топонима они формируют смысловую «ауру» соответствующего географического объекта. Это своего рода дискурсивная практика культуры по отношению к пространству.

В ландшафте как целостном образовании собственно метафоры теряют свою целостность, соседствуя с другими метафорами, формируют символическое пространство, пространство как систему символов, которое может быть интерпретировано и как текст.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: *Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1 (1); *Turner M.* Aspects of the Invariance Hypothesis // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1 (2); *Баранов А.Н.* Предисловие редактора // *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: URSS, 2008. – С. 9; *Будаев Э.В.* Становление когнитивной теории метафоры // *Лингвокультурология*. Вып. 1. – Екатеринбург, 2007. – С. 16 – 32.

²*Рикёр П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 417, С. 444.

³*Рикёр П.* Живая метафора // *Теория метафоры*. – С. 452.

⁴Там же. – С. 449.

⁵См.: *Hester M.B.* The Meaning of Poetic Metaphor. – La Haye, Mouton, 1967.

⁶Более подробно см.: *Рикёр П.* Живая метафора. – С. 450 – 451.

⁷Там же. – С. 450.

⁸*Фуко М.* Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1975 – 1976 учебном году. – СПб.: Наука, 2005. – С. 90, С. 132.

⁹*Веденин Ю.А.* Культуро-ландшафтное районирование России – ориентир культурной политики // *Ориентиры культурной политики*. Информационный выпуск. № 2. – М.: МК РФ, Главный информационно-вычислительный центр, 1997. – С. 3 – 99.

¹⁰*Федотов Г.П.* Три столицы // *Русские столицы Москва и Петербург*. – М., 1993.

¹¹*Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – С. 52.

¹²Там же. – С. 41.

¹³*Торо Г.Д.* Уолден, или Жизнь в лесу / Пер. З.Е. Александровой. – М.: 1980. – С. 220.

¹⁴*Башиляр Г.* Избранное: Поэтика пространства. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 181.

¹⁵*Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: URSS, 2008. – С. 91.

¹⁶См.: *Баранов А.Н.* Метафорические модели как дискурсивные практики // *Известия РАН. Сер. Литературы и языка*. 2004, Т. 63, № 1.

¹⁷*Стародубцева Л.В.* Городкакметафорасознания//<http://kharkovhumanit.narod.ru/Metaphisic2.html>.

¹⁸Цит. по: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – С. 104.

¹⁹См.: *Glaser H.* Die stadt als kulturlandschaft - um eine stadt von innen bitend // *Mitt. dtsh. Acad. Stantebau und Landesplan*. 1987. 31. № 1.

²⁰Сент-Экзюпери А. де. Цитадель. СLVII.

²¹ Крамер А. Город как метафора // http://alexkrm.narod.ru/papers/Article/city_3.htm.

²² Герцен А.И. Москва и Петербург. – СПб., 1842.

Аннотация

Статья посвящена анализу географических образов с точки зрения теории метафоры. Определив ландшафт как знаковую систему, автор предлагает рассмотреть место в этой системе таких отличных от знака семиотических концептов, как метафора и символ. Географическое пространство выступает в роли метафоры – как категория структурирования мысли.

Ключевые слова:

метафора, культурный ландшафт, семантика.

Summary

The article is dedicated to the analysis of geographical images from the point of view of the metaphor theory. Having defined a landscape as a sign system, the author goes on to consider the position of such different from the sign semiotic concepts as the metaphor and the symbol in this system. Geographical space acts as a metaphor – as a category of thought structurizing.

Keywords:

metaphor, cultural landscape, semantics.